

Викулов Александр Константинович

аспирант кафедры социологии и психологии
Южно-Российского государственного технического
университета (НПИ)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация:

В статье социально-политические ориентации современной российской молодежи рассматриваются через отношение молодежи к политической ситуации, сложившейся в нашей стране. Автор выделяет три группы индикаторов, позволяющих оценить культурно-политические установки молодежи: капитализм – социализм, протестность – конформность, Восток – Запад.

Ключевые слова:

политизированная молодежь, экспансия идеалов, консюмеризм, патриархальные установки.

Vikulov Alexander Konstantinovich

PhD student,
Social Science and Psychology Subdepartment,
Novocherkassk Polytechnic Institute,
Southern Russian State Technical University

SOCIAL AND POLITICAL VALUES OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Summary:

The paper discusses social and political values of the modern Russian young people represented by their attitude to the political situation existing in the country. The author distinguishes three groups of indicators allowing to assess the cultural and political values of the youth: capitalism – socialism, recusancy – conformity, East – West.

Keywords:

politicized youth, expansion of ideals, consumerism, patriarchal values.

Фундаментальные исследования, проведенные М.К. Горшковым, Ф.Э. Шереги, демонстрируют нам следующую картину отношения молодых людей к политике. Так, в целом по стране «в 1999 г. доля молодежи, проявлявшей интерес в той или иной степени к политическим событиям, составляла 59,5 %, а в 2009 – 61,6 %. Причем в первом случае активный интерес к политике проявляли 12 %, во втором – 9,7 %» [1]. Поэтому можно вполне согласиться с выводом проводивших исследования авторов о том, что в целом: «...устойчиво низкий интерес к политике – это возрастная специфика молодежи, в большей степени интересующихся культурой, спортом, а также уделяющей много времени образованию» [2]. Однако при этом необходимо отметить, что политизированная молодежь обладает высокой степенью активности и самоорганизации, часто выступает в авангарде оппозиции. К тому же молодежь вполне отдает себе отчет, что, так или иначе, в политику в той или иной степени вовлечены все группы населения. Другое дело, что реальной возможностью влиять на политические события обладает далеко не каждый человек. Поэтому, чтобы быть активным субъектом действия, необходимо обладать не только набором определенных черт характера, но, главное, информированностью и знанием того, как функционируют основные социально-политические институты.

Итак, социально-политические ориентации современной российской молодежи в самом широком смысле представляют собой ее отношение к политической ситуации, сложившейся в нашей стране. В этой связи необходимо учитывать, что российское общество за последние два десятилетия значительно трансформировалось, совершив во многом болезненный переход от коммунистического строя к капиталистическому порядку. При этом важно понимать, что отношение к уже сложившемуся социально-политическому порядку может быть как активным, так и пассивным, но невключенность в его режимы попросту невозможна. При этом отмеченный нами переход от коммунизма к капитализму происходил на фоне экспансии идеалов и стереотипов западной модели общества потребления.

В контексте темы нашего исследования мы считаем перспективным, выделить сразу два русла социально-политических ориентаций молодежи, связанных с приятием таких фундаментальных форм общественного устройства, как капитализм и социализм (коммунизм). Весь спектр социально-политических представлений молодежи распадается между этими двумя направлениями сторонников капитализма и социализма. Естественно, между ними существует и промежуточный слой молодежи, который можно характеризовать как социал-демократический.

При этом в заданном нами ключе необходимо рассматривать также молодежь и так называемой националистической ориентации, которая далеко не однородна в своих предпочтениях социального устройства и также в целом разделена между двумя обозначенными нами полюсами. Поэтому если речь идет о молодежи (преимущественно в этническом плане русской),

настроенной националистически, то ее, согласно принятой нами концептуальной схеме, также можно разделить на два лагеря: либерально-националистический, тяготеющий в своей ориентации к капитализму, развитию среднего класса, институтов гражданского общества, и национально-социалистический, выступающий с позиций ограничения капитализма, сюда можно также отнести молодежь, разделяющую национал-коммунистические взгляды. Что же касается роста тенденции националистической ориентации в целом и актуальности связанного с этим ростом лозунга «Россия – для русских», то здесь, как показали исследования Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, Н.А. Зоркой, наблюдается близость отношения молодежи с позицией общих националистических настроений в целом среди населения страны. При этом вышеназванные авторы отмечают, что «развит у нынешней российской молодежи и «комплекс врага»: почти три пятых (57 %, пять лет назад этот показатель равнялся 60 %) согласны с мнением, что у России много врагов» [3]. Отсюда проистекает заметная, существующая в сознании молодежи устойчивая тенденция конспирологического истолкования социально-политической действительности. Причем она в принципе вполне соответствует модусу общественного сознания, которое выражает мнение о «навязывании» гражданам нашей страны определенных, в целом негативных и даже «ложных», «изначально чуждых нашей культуре» ценностей, привнесенных извне «врагами».

Тем не менее вышеобозначенная дихотомия «капитализм – социализм» является, на наш взгляд, центральной при определении социально-политических ориентаций современной российской молодежи. Это вполне согласуется с исследованиями, проведенными Ф.Э. Шереги, которые показали, что капитализм (53,1 % сторонников от общего числа респондентов) [4] и социализм (27,8 % сторонников) [5] в качестве двух форм государственного устройства доминируют в молодежных предпочтениях. При этом автор отмечает общую отрицательную тенденцию: «во всех возрастных группах политическое сознание молодежи расколото на два лагеря» [6]. Следовательно, «правая» и «левая» политическая ориентация по-прежнему является актуальной в XXI веке, особенно учитывая, что данному факту также способствует имущественное расслоение как в молодежной среде, так и в обществе в целом. Причем здесь вполне резонно будет предположить, что поскольку феномен общества потребления является продуктом западного буржуазного строя, то его неприятие и критическое к нему отношение характерно для молодежи, ангажированной неомарксизмом и ратующей за социализм.

Выполняя социально-воспроизводственную функцию (В.А. Чупров, Ю.А. Зубок), молодежь реально способна воспроизводить общественные структуры на новом этапе исторического развития. В этой связи также уместно указать на инновационный потенциал, которым обладает молодежь и стремится использовать его в целях завоевания социального статуса. Последним не в последнюю очередь объясняется появление молодых политиков так называемого «нового» типа, прежде всего активных блоггеров, а также трансформация устоявшихся социально-политических систем. В качестве примера уместно будет сказать и о сокращении числа граждан страны, голосующих на выборах за Коммунистическую партию РФ, что объясняется именно старением ее электората и отсутствием у молодежи интереса к данной политической структуре. Причем последний факт можно объяснить не отсутствием у молодежи интереса именно к «левым идеям», а скорее спецификой самой КПРФ и в особенности ее управленческой номенклатуры. При этом целым рядом исследователей (В.О. Рукавишников, Ж.Т. Тощенко, Е.Н. Стариков и др.) отмечалась противоречивость политических предпочтений граждан страны, связанная с парадоксальным смешением в их сознании одновременно как модернистских, так и патриархальных установок. Интересно, что в трудах современного социального мыслителя А.Г. Дугина данное явление получило название «археомодерн». По сути, этим термином автор обозначает эклектичное и в то же время существующее по принципу взаимодополнительности смешение архаики и модерна в российском общественном сознании.

Другой важнейший критерий, позволяющий рассуждать о социально-политической ориентации молодежи, – это ее отношение к действующей власти, способность выступать против ведущего курса президента и правительства или занимать конформистскую позицию. В этой связи Ф.Э. Шереги справедливо отмечает, что в среде российской молодежи заложен значительный протестный потенциал, он акцентирует внимание, что «лишь 8 % не готовы протестовать в случае нарушения личных свобод. Для подавляющего большинства молодежи приемлемая форма протеста – пассивная, заключающаяся в обращении в прессу (43 %), государственные органы (43 %), саботирование выборов (23 %)» [7]. Это, на наш взгляд, в целом говорит об усвоении за последние двадцать лет российской молодежью демократических ценностей, заключающихся в свободном высказывании собственного политического мнения и желании самостоятельно выбирать представителей власти. При этом особого внимания, на наш взгляд, заслуживает молодежь, способная к активным действиям против действующей власти, среди них «есть и такие, кто готов принять участие в массовых митингах (25 %), акциях гражданского

неповиновения (8 %), насильственном противостоянии органам власти (5 %)» [8]. В числе последних могут, пожалуй, находиться наиболее радикальные молодежные элементы, вполне способные к действиям экстремистского характера. Именно они требуют к себе повышенного внимания не только со стороны властных структур, обеспечивающих безопасность и целостность страны, но и от основных институтов социализации.

Несомненно, что современная российская молодежь может выступать существенным ресурсом оппозиционных сил. Однако очевидно, что протестные настроения, всегда существующие в молодежной среде, должны быть ориентированы на определенные идеологические и социально-политические предпочтения. Последняя группа предпочтений в свою очередь обусловлена исторически сложившейся традицией и происходящими с ней изменениями. То есть молодежь в той или иной степени ориентирована на уже активно действующие и укорененные в общественную структуру социально-политические паттерны, способные придать ее поведению легитимную форму. Следовательно, молодежь должна себе представлять, за что именно она выступает, а главное, против чего она протестует. При этом исследователи отмечают, что «молодым людям в большей степени свойственно недоверие не самим институтам власти, а скорее лицам, персонифицирующим эти институты» [9]. Что в свою очередь, как нам представляется, говорит о специфике общественного сознания молодых россиян и объясняется их заметной склонностью к персонификации явлений социальной действительности, а также о недостаточной способности мыслить структурно, исходя из анализа развития доминирующих общественных институтов.

Кроме всего прочего, протестные настроения могут свидетельствовать об усвоении значительной частью российской молодежи ценностей «гражданского общества», характеризующихся ростом критической настроенности по отношению к авторитарным формам общественного управления. Несмотря на это, современная российская молодежь, как показали исследования (Ф.Э. Шереги, М.К. Горшков и др.), по-прежнему в значительной степени продолжает доверять нынешнему президенту государства. Подобное положение дел радикальным образом отличается от молодежных настроений 1990-х гг., когда дискредитированная в общественном сознании фигура президента ассоциировалась со всеми бедами и несчастьями выпавших на долю населения страны в первое десятилетие переходного периода. «Среди факторов, препятствующих формированию гражданского общества в стране, молодежь заметно выделяет противодействие процессам со стороны власти. Вместе с тем молодые люди подчеркивают отсутствие самостоятельности и инициативы в самих соотечественниках, их слабую уверенность в пользе такого рода активности» [10]. В этой связи уместно будет отметить, что сама российская власть в должной степени еще не научилась адекватно реагировать на молодежные инициативы, идущие снизу, а не инициированные сверху ею самой и не являющиеся таким образом ее собственной креатурой.

В работах М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой подчеркивается роль социальной мобильности, которой обладает молодежь. При этом отмечается усиление в молодежной среде рыночной ориентации, что, несомненно, напрямую связано с трансформацией всего экономико-политического универсума современного российского общества. С одной стороны, несомненно, что усвоение рыночной ориентации должно вести к тому, что современная российская молодежь становится более конформичной. Однако, на наш взгляд, подобное суждение является односторонним, так как значительное число молодежи, оппозиционно настроенной по отношению к действующей власти, также приемлет рыночную систему, свободную конкуренцию со всеми неотъемлемыми атрибутами капиталистической формации. Следовательно, рост рыночной ориентации, в целом также приемлющий ценности и стереотипы общества потребления, не является однозначным свидетельством в пользу конформизма российской молодежи. Более того, это очевидно из оппозиционных выступлений 2011 г., в которых, между прочим, активное участие приняла молодежь именно рыночной ориентации (поддерживающая капиталистический путь развития страны). Интересно также отметить, что значительная часть российских «левых» из так называемой структурной оппозиции, представленных КПРФ, как раз является конформистами, в отличие, например, от молодежи, поддерживающей «гражданскую платформу» бизнесмена, олигарха и капиталиста М. Прохорова. Тем не менее точка зрения, предложенная Н.Е. Тихоновой, М.К. Горшковым, более чем справедлива, учитывая, что современная российская молодежь стремится к инновациям как в социально-политической, так и в социально-экономической сферах, которые как показывает социальная практика, взаимосвязаны и переплетены между собой самым тесным и непосредственным образом.

Пожалуй, что протесты, происшедшие в 2011 г., явились важнейшим индикатором социально-политических настроений в среде российского общества, которые выявили ангажированность, в том числе молодежи, целым рядом вышеотмеченных нами идеологий. Несомненно, что произошедшие события подтвердили молодежный потенциал в качестве ключевой составляющей ресурсной базы российского общества. Оппозиционная молодежь выступила изначально

против фальсификации выборов в Государственную думу, с позиций защиты конституции и права, что в целом свидетельствует об усвоении ею ценностей «гражданского общества». Однако затем часть ее представителей стала выступать непосредственно против действующей власти. При этом, как и все представители так называемой неструктурной оппозиции, молодежь часто действовала с различных и порой даже несовместимых позиций. Так, например, часть выступила под лозунгами русских националистов типа «Хватит кормить Кавказ»; другие, так называемые молодежные активисты из числа ЛГБТ-сообщества, выступали против «дискриминации» и ущемления в России прав геев, лесбиянок, бисексуалов и транссексуалов; третьи – в поддержку малого бизнеса, четвертые представители «левой» ориентации – против капитализма, значительная часть просто против авторитаризма и конкретно личности В.В. Путина. В этой же связи необходимо оценивать хулиганско-политическую выходку молодежи из числа женской панк-рок-группы «Pussy Riot», которую также можно рассматривать в качестве одного из радикальных проявлений молодежной субкультуры. Тем не менее, как показывают социологические исследования, молодежь в целом больше позитивно оценивает путинскую эпоху.

Присущий молодежи максимализм и определенно рода наивность, связанная с неадекватной оценкой возможностей радикального преобразования мира в лучшую сторону, повышают риск попадания данной группы людей в движения экстремистского толка. Поэтому здесь уместно говорить об особой зоне риска, в которую попадает именно молодежь. Случай, произошедший с участниками группы «Pussy Riot», а именно их тюремное заключение, является в рассматриваемом нами ключе показательным, оно в должной мере иллюстрирует наивность молодежного максимализма. В свою очередь этот максимализм также оказывает влияние на пластичность политической идентичности молодежи, характеризующейся способностью быстро менять ориентации, легко входить и активно проявлять себя в социально-политических движениях различного рода. Как отмечают исследователи, «завышенные ожидания наиболее часто проявляются у представителей «социально продвинутой» молодежи. В их окружении более выражено действует закон возвышения социальных потребностей» [11]. То есть они часто «предъявляют нереальные требования как к окружающей их действительности, так и к себе» [12]. В этой связи уместно обратить внимание на то, что для молодого человека в большей степени, чем для представителей старшего поколения, характерен «синдром неофита». То есть, впадая в подобное состояние, захваченный идеями молодой человек, часто не способен критически рассматривать собственные взгляды и поступки, а также осознавать истинную цену, которую он или его близкие должны будут заплатить в результате их практической реализации. В этом рассмотренном нами «синдроме неофита» значительную роль играют прежде всего существенные характеристики молодежного сознания, отличающиеся (В.И. Чупров, Ю.А. Зубок) лабильностью и экстремальностью.

Третий критерий, который, на наш взгляд, может быть взят в качестве определяющего при прояснении социально-политических ориентаций современной российской молодежи важно определить как собственно культурный или цивилизационный, связанный с пониманием молодежью таких сложных социокультурных реалий как Запад – Восток. Более того в российском общественном сознании названия этих сторон света несут в себе мощный идеологический заряд. Рассматриваемые нами социально-политические ориентации молодежи исследуются в условиях экспансии западной модели общества потребления, которая также обладает вполне определенным культурным содержанием. Последнее в свою очередь отмечено прагматизмом, рациональностью, направленной на достижение благ материального плана, стремлением к успеху и свободному времяпрепровождению. Восток же, напротив, воспринимается россиянами как источник особой российской духовности, связанный на протяжении веков с этносом как восточно-христианского православия, так и мусульманства, существующего в России в качестве второй крупнейшей религии. Восток в сознании россиян, пожалуй, изначально больше, чем Запад ассоциируется с духовностью и традиционными ценностями. При этом, поскольку Россия находится на стыке Востока и Запада, то есть является государством евразийским по сути, то жители в меньшей степени признают свою зависимость от западного рационализма и прагматизма, закрепленного в культурно-правовых нормах. Кроме того, значительная часть россиян по-прежнему увязывает с «восточностью» отсталость России в социально-экономическом плане.

Очевидно, что происходящая в России так называемая «догоняющая модернизация» в основном векторе своего развития ориентирована большей частью на развитые страны Запада. Откуда, собственно, и были заимствованы многие политические, демократические институты современной России, включая концепцию «гражданского общества». При этом, однако, в целом отношение к странам Запада со стороны граждан характеризуется крайней амбивалентностью, сочетанием противоречивых оценок, отличающихся в одинаковой степени как восхищением, преклонением, так и одновременно резкой неприязнью. Причем россияне вполне отчетливо осознают свои культурно-исторические отличия от западноевропейцев и американцев. К тому же

часть россиян вполне определенно считает себя европейцами. Отдельно в этой связи необходимо рассматривать мусульманскую молодежь России, значительная часть которой тяготеет к исламскому порядку, являющемуся порождением арабской культуры. Естественно, что для молодежи данного типа, в чьей среде также значительно распространены экстремистские настроения, концепция «гражданского общества» и западные ценности вызывают сильное отторжение.

Однако социологические исследования показывают, что «доля молодежи, оценивающей западную цивилизацию в целом положительно, велика – 75 %, но при этом большинство воспринимает критично. Доля молодежи, полностью не принимающей западную цивилизацию, относительно невелика (12,9 %)» [13]. Такая оценка, данная западной культуре молодежью России, в целом совпадает со стереотипами восприятия Запада россиянами из других возрастных групп. Запад по-прежнему рассматривается как источник материальных богатств. Очевидно, что молодежь признает достижения западных стран в области социально-экономического развития. Значительное влияние продолжает оказывать на молодежь западная культура как массового, так и элитарного плана. Это особенно заметно в связи с усвоением российской молодежью опыта западных субкультур, включая сюда «панков», «скинхедов», «байкеров», «готов», «эмо» и футбольных болельщиков, в том числе наиболее радикальных из них «фанатов-ультрас». Так, например, российская рок-культура, по сути дела, представляет собой рецепцию культа западного рока на отечественной почве.

Тем не менее большая часть молодежи не может полностью принять современные западные ценности, оставаясь в ряде пунктов ближе к традиционным ценностям. «Большинство – 58 % (18,3 млн) молодежи отрицательно относятся к представителям сексуальных меньшинств» [14]. При этом подавляющая часть молодежи не считает оправданным легализацию так называемых однополых браков. Следовательно, ценность положительного отношения к ЛГБТ-культуре, являющаяся для западных обществ важнейшим индикатором толерантности и демократии, воспринимается большей частью российской молодежи как искажение принципов морали. На сегодняшний день это, пожалуй, важнейший пункт расхождения в мировоззрении с ведущими странами Евросоюза.

Другой существенный пункт дифференциации с Западом заключается в существенной религиозности молодых россиян по сравнению с западноевропейцами, причем это характерно как для большинства представителей традиционных конфессий России (православие, ислам, иудаизм, буддизм), так и для неоязычников. «Считают себя верующими 90 % (28,4 млн) молодежи в возрасте 16–30 лет. Религиозными себя считают 77 % (24,3 млн чел.), в том числе язычники – 1 % (316 тыс. чел.)» [15]. В этой связи интересным и показательным, на наш взгляд, является тот факт, что даже всемирно известная участница скандальной панк-группы «Pussy Riot» Надежда Толоконникова, отбывающая тюремное наказание за хулиганство в храме Христа Спасителя, активно заявляет о своей религиозности и конфессиональной принадлежности к Русской православной церкви [16]. Несомненно, это говорит о существенном влиянии религии на сознание молодых россиян, большей традиционности взглядов, которая отличает их в целом от современной западной цивилизации. Из этого можно сделать вывод, что сам либерализм, характерный для российской молодежи, более консервативен, это касается даже представителей из лагеря протестующих либертарианцев и антиклерикалов.

Как показывают опросы, российская молодежь в целом отрицательно относится и к оранжевым революциям (72 % от всех опрошенных) [17] и не желает, чтобы они осуществились в нашей стране. Сами революции подобного рода осознаются как креатуры западных агентов влияния. Однако большая часть молодежи, не считая, пожалуй, «нашистов» и особенно «евразийцев», не стремится видеть повсюду козни Запада, отказывая ему в однозначном образе врага. Скорее, как мы уже отмечали, это отношение противоречиво и часто избирательно, что может говорить о селективности российской культуры. То есть молодежь в большей своей части подходит избирательно к тем или иным тенденциям развития современной западной цивилизации, солидаризируясь с одними ее ценностями и противопоставляя себя другим. Так, например, «левая» молодежь продолжает активно воспринимать и культивировать идеи западного неомарксизма, либеральная молодежь ориентирована на свободное предпринимательство и ценности потребления, однако в целом негативно при этом относится к созданию семей из числа сексуальных меньшинств. Националистическая, главным образом русская, молодежь также считает, что ее проблемы во многом близки к тем, которые существуют у коренных народов западных стран.

При этом важно отметить, что общество потребления критически оценивается частью молодежи как с «прозападных», так и «восточных» (почвеннических) позиций. Причем в первом случае это отношение продиктовано «левой», главным образом неомарксистской ориентацией, а во втором – скорее стремлением к восточно-православной, буддийской и отчасти неоязыческой духовности, во втором случае также существенную роль продолжает играть ислам. Кроме этого,

многие молодые россияне считают, что до общества потребления в западном варианте нашим соотечественникам еще далеко в силу меньшей покупательной способности населения и в целом более низкого уровня жизни по сравнению со странами Запада. Однако в этой связи также можно согласиться с мнением современного исследователя В.И. Ильина, который полагает, что в России в значительной степени происходит симуляция общества потребления.

В результате проведенного анализа нами были выделены 3 группы структурных индикаторов, обладающих значимостью при определении социально-политических ориентаций современной российской молодежи. Надо также отметить, что рассмотренные нами структуры тесно взаимодействуют между собой и способны влиять друг на друга. Все многообразие социально-политических ориентаций молодых россиян мы разделили следующим образом:

1. Капиталистическая и социалистическая (коммунистическая) ориентация («правая» и «левая»), что, как мы выяснили, говорит не только о мировоззренческих расхождениях в среде молодых россиян, но и об их резком имущественном расслоении, что соответствует положению дел в других возрастных группах населения. При этом националистические тенденции молодежи также распадаются между двумя этими полюсами, разделяя своих сторонников на либеральных националистов и сторонников русского национализма с социалистическим уклоном. Кроме этого, часть молодежи ориентирована на синтетичную (по отношению к «правым» и «левым») социал-демократию, которая также может включать в себя националистическую тенденцию.

2. Рассматривая ориентацию конформность – протестность, мы пришли к выводу, что доминирует конформность, принятие действующей власти и позитивная оценка эпохи в целом. Тем не менее молодежная среда обладает значительным протестным потенциалом, который, однако, на наш взгляд, скорее связан с усвоением населением страны основных концептов «гражданского общества» и желанием в нем участвовать, чем с прямым неприятием власти.

3. Ориентация Запад – Восток, отражает цивилизационно-мировоззренческие тенденции молодых россиян, что позволяет по ряду существенных критериев (неприятие однополых браков, значительная религиозность и конфессиональность) говорить о не полном, выборочном принятии российской молодежью современных западных ценностей, а также большей ориентации на духовные и традиционные ценности.

Ссылки:

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. С. 93.
2. Там же. С. 93.
3. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. М., 2011. С. 72.
4. Шереги Ф.Э. Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации. М., 2013. С. 28.
5. Там же.
6. Там же. С. 31.
7. Шереги Ф.Э. Указ. соч. С. 36.
8. Там же.
9. Политическая активность молодежи: Результаты социологического исследования. М., 2009. С. 122.
10. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Указ. соч. С. 67.
11. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи. М., 2011. С. 83–84.
12. Там же. С. 84.
13. Шереги Ф.Э. Указ. соч. С. 36.
14. Там же. С. 49.
15. Шереги Ф.Э. Указ. соч. С. 46.
16. Осужденная за панк-молебен Толоконникова постоянно ходит в тюремный храм [Электронный ресурс]. URL: [//www.rosbalt.ru/federal/2013/04/26/1123180.html](http://www.rosbalt.ru/federal/2013/04/26/1123180.html) (дата обращения: 01.10.2014).
17. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Указ. соч. С. 57.

References:

1. Gorshkov, MK & Sheregi, FE 2010, *Russian youth: a sociological portrait*, Moscow, p. 93.
2. Gorshkov, MK & Sheregi, FE 2010, *Russian youth: a sociological portrait*, Moscow, p. 93.
3. Gudkov, LD, Dubin, BV & Zorkaya, NA 2011, *Russian youth*, Moscow, p. 72.
4. Sheregi, FE 2013, *Russian youth: mood, expectations, values*, Moscow, p. 28.
5. Sheregi, FE 2013, *Russian youth: mood, expectations, values*, Moscow, p. 28.
6. Sheregi, FE 2013, *Russian youth: mood, expectations, values*, Moscow, p. 31.
7. Sheregi, FE 2013, *Russian youth: mood, expectations, values*, Moscow, p. 36.
8. Sheregi, FE 2013, *Russian youth: mood, expectations, values*, Moscow, p. 36.
9. *The political activity of young people: a sociological study 2009*, Moscow, p. 122.
10. Gudkov, LD, Dubin, BV & Zorkaya, NA 2011, *Russian youth*, Moscow, p. 67.
11. Tchouprov, VI & Zubok, YA 2011, *Sociology of Youth*, Moscow, pp. 83-84.
12. Tchouprov, VI & Zubok, YA 2011, *Sociology of Youth*, Moscow, p. 84.
13. Sheregi, FE 2013, *Russian youth: mood, expectations, values*, Moscow, p. 36.
14. Sheregi, FE 2013, *Russian youth: mood, expectations, values*, Moscow, p. 49.
15. Sheregi, FE 2013, *Russian youth: mood, expectations, values*, Moscow, p. 46.

16. *Convicted for punk prayer Tolokonnikova always goes to the prison temple* 2014, retrieved 01 October 2014, <www.rosbalt.ru/federal/2013/04/26/1123180.html>.
17. Gudkov, LD, Dubin, BV & Zorkaya, NA 2011, *Russian youth*, Moscow, p. 57.